

Отмороженность для финских романтиков из фильмов Каурисмяки — достоинство, а не порок

Явь смешного человека

МОСКВА УВИДИТ ФИЛЬМЫ АКИ КАУРИСМЯКИ — В ТОМ ЧИСЛЕ НОВЫЙ, «ОГНИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН»

УНИКУМ

Антон ДОЛИН

ЗАБАВНОЕ ДЛЯ РУССКОГО УША РИФМОВАННОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ «АКИ КАУРИСМЯКИ» СЛЫШАЛИ МНОГИЕ. ЧТО ОНО ЗНАЧИТ, ИЗВЕСТНО НЕ ВСЕМ: ДО СИХ ПОР И В НАШЕМ КИНОПРОКАТЕ, И НА ВИДЕО ОФИЦИАЛЬНО СУЩЕСТВОВАЛ ЛИШЬ ОДИН ЕГО ФИЛЬМ — «ЧЕЛОВЕК БЕЗ ПРОШЛОГО». ТЕПЕРЬ ПОЯВИЛСЯ ВТОРОЙ.

Вслед за облаками

Имя Аки Каурисмяки чаще появляется в программах новостей, чем на киноафишах. Еще бы, ведь кичливый финн второй раз подряд отказался выставлять свой фильм на соискание «Оскара», вопреки желанию министерства культуры своего государства. А ведь и «Человек без прошлого», и новейшие «Огни городских окраин» (с 16 ноября их можно увидеть в столице) могли бы понравиться наивным американским академиком: как-никак Каурисмяки милость к падшим пробуждает. Но Аки не желает, чтобы о его фильмах судили люди, превратившие эту милость в ходовой товар. Для него Голливуд — империя зла, не иначе. Да и ни к чему ему Новый Свет. В Старом у него есть все, что надо, — квартира в солнечной Португалии и собственный бар Moskva в центре заснеженного Хельсинки. В таких обстоятельствах можно позволить себе быть идеалистом. Так, нескладных большихглазых героев своих минималистских фильмов он от души считает красавцами, а Брюса Уиллиса — уродом, не заслуживающим внимания. Истинный скандинав, Каурисмяки в любой ситуации предпочитает кислый натуральный продукт питательной смеси с подсластителями и ароматизаторами.

«Огни городских окраин» подает с гарниром — ретроспективной Каурисмяки, в рамках которой показывают «Жизнь богемы», «Береги свою косынку, Татьяна», «Вдаль уплывают облака», «Человека без прошлого», «Девушку со спичечной фабрики», «Я нанял убийцу» и «Ленинградские ковбои едут в Америку». Новый фильм — Каурисмяки, очищенный от скверны благодушия и нездоровой тяги к сказочным хеппи-эндам. Совсем простой, скупой пронзительно-горький фильм об охраннике-неудачнике, которого любовь к роковой блондинке привела сперва в тюрьму, а затем едва не увела на тот свет, построена по канонам классического film noir. Вместе с тем Аки как никогда далек от стилизации или пародии: его стиль не спутает ни с чем даже тот, кто прежде не видел ни одной его работы. Основа стиля — «что» вместо «как».

Почерк Каурисмяки — результат пренебрежения к кинематографической «кухне». Он снимает каждый эпизод с одного дубля, не допускает импровизации актеров, во всем стопроцентно доверяет своему бессменному оператору Тимо Салминену. Каким-то немислимым образом Аки видит суть сквозь форму, которая и зрителю может показаться прозрачной, незаметной. А суть — знакомая Каурисмяки не понаслышке участь идеалиста в мире, лишенном идеалов.

Этот режиссер — уник. Недаром во всех странах мира его показывают не в модных многозальных, а в кинотеатрах и музеях кино. Он даже не «современная классика», а просто классика. Несмотря на то, что ему еще нет пятидесяти.

«Я подбираю остатки»

Последний фильм Каурисмяки был представлен в конкурсе Канн-2006, где остался без призов: фильм по-

вторил судьбу своего героя-неудачника. Там же в числе журналистов, которые задавали режиссеру вопросы, оказался обозреватель «МН».

— «Огни городских окраин» продолжают вашу любимую тему, связанную с незавидными судьбами потерянных героев.

— Это третья часть трилогии. Первая, «Вдаль уплывают облака», была о безработице. Вторая, «Человек без прошлого», — о бездомности. Третья, «Огни городских окраин», — об одиночестве. Между предыдущим фильмом и этим прошло четыре года, но я хочу опровергнуть расхожее мнение о том, что финны — люди замедленные: из этих четырех лет я потратил на съемки не больше года.

— Говорят, это первый фильм, который вы делали, пребывая в абсолютно трезвом состоянии. Так ли это?

— Нет, не так. Половину каждого фильма я делаю совершенно пья-

из них мне удалось войти. Впрочем, я в меньшинстве и на многое не надеюсь. Сегодня искусству в кинематографе надеяться вообще не на что. Особенно если оно идет из маленькой страны вроде Финляндии. Американцы захватили все рынки, а такие, как я, подбирают остатки.

— Что заставило вас начать фильм с обсуждения тремя русскими алкоголиками классиков русской литературы?

— На освоение русской литературы я потратил тридцать лет. И все для того, чтобы передать ее суть в нескольких фразах, которыми начинается мой новый фильм. Вы можете их послушать и больше не читать русской литературы! Хотя, возможно, я что-то понял неправильно.

он был и лучшим в мире режиссером: только он один умел и рассмешить, и показать страдание. Я стараюсь идти тем же путем.

Человек с прошлым

У Каурисмяки с Чаплиным много общего. Любимые герои — отверженные и бездомные. Неизменная интонация — невозмутимый юмор и неподдельный трагизм. Каждый из них — «смешной человек», смеяться над которым хочется не больше, чем над «бедными людьми» Достоевского. Разница же в том, что Чаплин в период ученичества действительно веселил народ, падая носом в лужу и бросаясь тортами, а Каурисмяки начал с серьезной экранизации Федора Михайловича: его впечатляющий

Аки Каурисмяки — тихий пророк, живущий между Хельсинки и Лиссабоном

— А ваша любовь к собакам — тоже что-то из русской литературы? Или вы просто любите собак?

— Обычно собаками управляю не я, а моя жена. Она приходит на съемочную площадку и замечает, что роли для собаки в фильме нет. Тогда она заставляет меня написать такую роль.

— Вы по-прежнему избегаете любых визуальных эффектов.

— Когда актер проходит из одного угла кадра в другой — это в моем понимании и есть визуальный эффект. А когда снимает пиджак — начинается экшн.

— В вашем фильме звучит сплошная ретромузыка... Как вы ее выбираете?

— Сейчас я отвечаю на вопрос не как режиссер, а как продюсер собственных фильмов. Чем более старую музыку ты используешь в своем фильме, тем она дешевле! Кроме того, в моих фильмах

дебют — «Преступление и наказание», — весьма точно передающий если не букву, то дух романа. Впрочем, преклоняющийся перед Жаном Виго финн не застал счастливую пору немого кино (песнь любви этой утопической эпохи — один из лучших фильмов Каурисмяки, «Юха»), и потому его первый герой — не симпатичный весельчак, а мрачный мясник Раскольников. Хотя Койстинен из «Огней городских окраин», у которого «в крови рок-н-ролл», больше напоминает князя Мышкина.

Зрители Каурисмяки смеются, не останавливаясь, но и самому режиссеру, и его героям не до смеха. Им в своем времени неуютно. По счастью, подобных ностальгирующих в мире вполне достаточно, чтобы составить Каурисмяки не только компанию, но и внушительную аудиторию.

Теперь их число пополнится и в России. Тому залогом — и выход фильма, и выпущенная издательством «НЛО» книга Андрея и Елены Плаховых «Аки Каурисмяки. Последний романтик». Это определение блуждает еще с начала XIX века, когда родился, а затем тут же почувствовал близкую смерть романтизм. Один последний романтик сменяет другого, и так без конца. Романтики бессмертны, как и их главная цель: отменить реальность материальную во имя воображаемой и провозгласить царство истины — пусть даже в рамках отдельного фильма, книги или симфонии. Их сила в том, что они верят в свои смешные идеалы даже в те времена, где места им нет. Найдя свое место на помойке, где его только что чудом не забили насмерть бандиты, охранник Койстинен отказывается умереть, произнося одну фразу: «Нет, здесь я не умру».

Судя по этим словам, карьера Каурисмяки далека от завершения. ■

**Лидеры многих государств
вовсе не пьют, и посмотрите,
что они творят!
Настоящие психопаты,
хоть и трезвенники**

ным, другую половину — трезвым, и попробуйте отличить две половины друг от друга. Вообще, по-моему, это совсем не важно. Лидеры многих государств вовсе не пьют, и посмотрите, что они творят! Настоящие психопаты, хоть и трезвенники.

— Каннский фестиваль как-то повлиял на вашу судьбу?

— Впервые я оказался в Каннах почти десять лет назад с «Теньями в раю». С тех пор возвращался не раз — Канны никак не могли от меня отделаться... Канны открывают многие двери, и в некоторые

не слишком много диалогов. Если музыка хороша, вы не заметите, что диалоги плохи. Что же касается танго, я хотел восполнить историческую справедливость. Ведь танго было изобретено в северной Финляндии, и только затем финские моряки перевезли его в Аргентину.

— «Огни городских окраин» отсылают зрителя к «Огням большого города» Чарли Чаплина. Вы считаете себя его учеником?

— Распространено мнение, согласно которому Чарли Чаплин — лучший комик всех времен и народов. Увы, при этом забывают, что